

Чжан Шу помог ему поправить край одеяла, затем сосредоточил внимание на дороге впереди.

Повернули за поворот, уже можно было видеть дом впереди, Чжан Шу выдохнул с облегчением: в будущем по ночам все же ходить поменьше, а то правда если что случится, сожалеть будет поздно.

Зимой дикие звери как раз голодные, не вдруг спустятся с гор?

Колеса телеги катились в тихой ночи, звук был особенно отчетливым. Когда почти доехали до ворот, дедушка Чжан и бабушка Чжан уже вышли их встречать.

— А Шу, Муцзинь, вы наконец вернулись, нас до смерти перепугали.

— Бабушка, простите, в следующий раз мы обязательно придем раньше, — с извинением сказал Ли Муцзинь. — В такой холод день, деревенские люди уже давно спят, а эти двое старых из-за беспокойства о внуках не могут спокойно уснуть.

— Да, бабушка, в следующий раз если поздно, вы ложитесь спать раньше, с нами все будет в порядке, — Чжан Шу загнал быка внутрь, затем начал разгружать вещи с телеги.

— Как тут уснешь? Заходите скорее, заходите, я вам сварила клецки поесть, ой, руки у Муцзиня как же холодные, и у А Шу тоже, — бабушка Чжан одной рукой вела одного, тянула их на кухню, на кухне тепло, как раз тут и поели.

Клецки, которые сварила бабушка Чжан, были сделаны из мучной кашицы: кипяток закипал, она руками отщипывала комочки и бросала туда. Она еще порезала немного соленого мяса и зеленых овощей, бросила вниз, сварилось — горячо, на вкус мягкое, желудок не вредит.

Чжан Шу и Ли Муцзинь, если бы не поддерживал азарт от заработка денег, давно бы уже рухнули от голода. Двое взяли палочки для еды и не могли остановиться, человек съел по две большие миски, если бы бабушка Чжан не сварила столько, боюсь, что Чжан Шу еще бы накладывал третий раз.

Бабушка Чжан глядела на их манеру есть, сердце разрывалось от боли: как в городе так много еды, а они еще голодают? Неужели жалеют денег тратить?

По другую сторону дедушка Чжан молча помог им нагреть воду, чтобы они сразу могли умыться и лечь спать.

Ли Муцзинь убрал со стола пустые чашки и палочки, затем вынул три кошелька с себя, добавил к ним тот слиток серебра.

— Дедушка, бабушка, это деньги, которые мы сегодня заработали, вы посчитайте, — глаза Ли Муцзиня ярко сияли, глядя на них.

Почему так много кошельков? В сердце бабушки Чжан было немного сомнения, но она все же открыла эти несколько кошельков, вместе с дедушкой Чжаном начала считать.

В двух маленьких кошельках в одном было тридцать девять взней, в другом — сорок семь. В большом кошельке уже намного больше, всего тысяча девяносто шесть взней. Они выкладывали деньги кучками по двадцать, накрыли маленькую половину стола!

То серебро было самым ценным, это был слиток в два ляна. Как раз покрыло деньги, которые

Чжан Шу использовал для выкупа от трудовой повинности.

— Почему так много?

Чжан Шу и Ли Муцзинь переглянулись, затем честно рассказали о деле, как их вымогали, а потом они сами вымогали взамен.

— Ой, как же люди снаружи могут быть такими плохими? А Шу, вы в будущем лучше не ходите, мы, деревенские люди, не любим устраивать неприятности, вдруг столкнешься с какой-нибудь неприятностью, а помощника даже нет.

Бабушка Чжан больше всего боялась именно таких дел, люди, которые проживают на улице, разве могут проглотить такую обиду?

— Бабушка, ты не волнуйся, они не посмеют сделать что, там есть люди, которые управляют, не разрешают произвольно шуметь. И сегодня я их крепко побил, в следующий раз они не придут.

Бабушка Чжан еще хотела что-то сказать, но она тоже знала, что Чжан Шу всегда упрямый, много говорить бесполезно, только в следующий раз, когда пойдут, обязательно попросит пойти еще двумя людьми.

Чжан Шу сложил деньги, которые сегодня достались бесплатно, вместе, затем сел за стол и начал считать счет: всего двадцать шесть цзиней сухой вермишели, каждый цзинь семь мисок, пять вэней за миску, получается девятьсот десять вэней. Булочки по одному вэню за штуку, тоже продали сорок одну, это девятьсот пятьдесят один вэнь. Убрав стоимость и те семь вэней, которые вышли сегодня, чисто заработали больше шестисот семидесяти вэней!

— Я думал, внутри всего четыреста-пятьсот вэней, не думал, что так много! — Деньги все собирал Ли Муцзинь, он от суеты закружился головой, совсем не думал, что их так много.

Как только этот счет вышел, все очень обрадовались, это всего лишь несколько дней работы? А уже можно заработать один лян серебра с небольшим?

Чжан Шу подвинул деньги перед дедушкой Чжаном и бабушкой Чжан, чтобы они убрали деньги.

Бабушка Чжан отодвинула деньги обратно:

— А Шу, сейчас ты и Цзюй-эр тоже уже поженились, этот дом надо передать вам двоим управлять. Вы хотите заниматься бизнесом, пусть эти деньги будут вашим капиталом, в будущем нам не нужно давать.

В доме Чжан Шу все равно только один, зачем им двоим старым все хватать в руки? Пусть они двое раньше встанут на ноги, сами тоже могут успокоиться.

— Бабушка, ты убери, мы еще заработаем!

— Не нужно, вы сами оставляйте!

Двое их там толкали туда-сюда, потом дедушка Чжан поднял тот слиток серебра со стола:

— Не толкайте, семья выглядит чужой, медяки вы оставляете себе, я с твоей бабушкой возьмем это.

Сказав это, он потащил бабушку Чжан наружу, явно не давая им возможности отказаться.

Чжан Шу ничего не мог поделаться, пришлось вместе с Ли Муцзином убрать деньги. Чжан Шу вспомнил, что только что не спросил мнения Ли Муцзиня, боялся, что в сердце останется заноза, поэтому спросил его одну фразу. Ли Муцзинь не придавал этому значения, с древности, пока не разделились, старики держали дом и управляли деньгами, деньги его старшего брата тоже отдавались папе. Они двое старых как любят Чжан Шу, он разве не знает? Разве это они взяли их деньги, чтобы компенсировать другим? У него какое может быть мнение? Если старики не хотят, они сначала уберут, в праздники больше подадут на почитание серебра — все равно.

Двое убрали деньги, умылись, затем обнялись и уснули, всю ночь без сновидений.

На следующее утро двое проснулись относительно поздно, потому что солнечный свет снаружи уже светил в окно.

Звук воды во дворе был особенно явным, словно кто-то моет что-то.

Чжан Шу и Ли Муцзинь, как только оделись, сразу встали, они обнаружили, что бабушка Чжан сидит на маленькой скамейке и скребет большую корзину осеннего батата.

— Проснулись? Идите скорее есть, я попросила твоего деда пойти собрать осенний батат, прямо попросили их доставить домой, через минуту они придут рассчитывать.

Вчера они очень хорошо обдумали: эта покупка, неважно вход или выход, считается бизнесом А Шу, они просто продают силу, остальное их не касается.

Чжан Шу и они ловко убрали себя, затем тоже притащили скамейку тереть и мыть. Не прошло много времени, опять пришел человек доставлять осенний батат.

Этого человека звали Нью, пятьдесят шесть лет, всегда не мог сидеть без дела, несколько участков земли перед и за домом все посадил осенним бататом, дома скопилось десятка два корзин, со времени сбора урожая до сих пор дома в каждой еде есть осенний батат, ели — вся семья жалобно стонет, ни сладкий ни соленый, как можно каждый день есть вниз?

Как только дедушка Чжан вышел спросить, жена старика Нью вышла спросить цену, узнала, что независимо от размера одна корзина семь вэней, сразу хлопнула ладонью и продала.

Старик Нью сам в действительности тоже уже не мог есть вниз, явно во время голода что угодно мог съесть, голод до того, что ели даже «землю бодхисаттвы», теперь жизнь наладилась, люди как же стали драгоценными? Продал так продал, вещь не стоящая денег, продал — купить детям дома пару конфет, чтобы подсластить рот — тоже хорошо.

Он с несколькими сыновьями дома по две корзины перевозил, прошел три-четыре раза и наконец все перевез.

— Старый Чжан, так много осеннего батата, как ваша семья будет есть? — Даже любишь есть, такое не съешь.

— А Шу и его супруг занялись маленьким бизнесом, из этого осеннего батата делают еду, — дедушка Чжан улыбался, лицо все в цветах, даже морщины были расправлены смехом.

Чужой бизнес — это тогда не спросишь, старый Нью с дедушкой Чжаном завел речь о других

вещах.

Ли Муцзинь пересчитал корзины, обнаружил, что они всего доставили восемнадцать корзин, поэтому посчитал, отсчитал сто тридцать вэней денег, округлил до целого, ведь люди доставили.

Сын старика Ню пересчитал, обнаружил, что дали много, хотел вернуть назад, но был остановлен семьей Чжан, не близкое расстояние туда-сюда прошел несколько раз, это должно быть.

Люди семьи Ню взяли деньги, повернулись и сказали, что семья Чжан праведная.

Сегодня собрали так много от семьи Ню, больше брать не нужно. Но как его вымыть чисто, потом разрезать и перемолоть — все это дела.

— Я выйду позову несколько человек помочь, — эти работы не очень тяжелые, позвать несколько женщин и парней можно, мужчин звать не нужно. Тут нужно Ли Муцзиню выходить звать, бабушка Чжан не пойдет, она хочет больше дать Ли Муцзиню и односельчанам походить, поддержание отношений после женитьбы тоже своего рода наука.

<http://bllate.org/book/16721/1537518>